

14 января — 40-летие снятия блокады Ленинграда

В 1938 году я в числе других молодых парней из Котласа был призван в армию и в начале Великой Отечественной войны оказался в блокаде под Ленинградом.

Будучи связистом, младшим воентехником 84-го отдельного полка связи, по делам службы часто бывал в городе. Там я повстречался со своей будущей женой, которая после войны согласилась ехать со мной на родной Север. Но это потом, а пока на пути стояла тяжелая война, страшные дни блокады, которые мне пришлось пережить и участвовать в ее прорыве, быть раненым и контуженым.

Одновременно я работал внештатным корреспондентом фронтовой газеты Ленинградского фронта «На страже Родины».

Все ужасы блокады прошли перед моими глазами. Мне пришлось помогать моей будущей жене хоронить ее отца и двух братишек, умерших от дистрофии.

Люди, о которых я рассказываю, были соседями моей будущей жены.

ПОБЫВКА

Кандидат технических наук Михаил Иванович Носков имел бронь от мобилизации в армию. И, кроме того, из-за резкого ухудшения зрения его признали непригодным для службы. Однако, скрыв все это от воинского начальства, он с первых же дней блокады Ленинграда ушел в ополчение.

Провоевав около года, он перестал получать письма из дома.

Ротный, бывший однокашник Носкова по институту, заметив угнетенное состояние друга, отправил его в командировку в Ленинград за боеприпасами. И езды-то было несколько трамвайных остановок.

Закончив дела, Михаил Иванович имел еще около трех часов свободного времени. Поэтому он спешно, насколько позволяло истощенной блокадой тело, направился домой, к родным.

Он почти бегом поднялся на пятый этаж и забарабанил в дверь квартиры. Заскрипела отодвигаемая защелка. Дверь открылась. И он, покачнувшись, оперся о протянутые руки жены, зарылся лицом в ее раньше времени поседевшие волосы.

Потом он, не снимая шинели, долго сидел, обнявшись с женой, слушал ее грустный рассказ о гибели дочери.

Жена собралась идти на кухню, чтобы вскипятить чай на обломках последнего стула.

— Миша, ты бы отошел от окна, — сказала она, показав на фанерки вместо стекол, выбитых осколками снарядов.

Но Михаил Иванович остался на месте, ответив:

— Не опаснее же у вас, чем в том аду, где мы сейчас живем и воюем!

Вскоре жена Носкова услышала из кухни взрыв снаряда на той стороне улицы, куда выходили окна комнаты.

Вбежав в волнении в комнату, она увидела мужа на полу, окровавленного. Верхнюю часть головы снесло осколком того снаряда. Женщина с рыданием упала на пол, обняв уже остывающее тело.

Когда специальная команда, обходящая после артиллерийских обстрелов пораженные снарядами дома, увезла хоронить Носкова, его жена еще долго плакала, разбирая последнюю память о нем — вещмешок. Там были продукты, которые, отрывая от своих голодных пайков, надавали Михаилу Ивановичу товарищи для его семьи.

Вскоре по радио объявили, что их район снова подвергается обстрелу фашистской артиллерии.

Жена Носкова пережила мужа всего на один час.

П. МОЧАЛОВ.